

Ю. С. СТЕПАНОВ

БАЛТО-СЛАВЯНСКОЕ И ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ (проблемы реконструкции)

I

Исследования в области синтаксиса вообще и реконструкции в частности всегда более непосредственно, чем в других областях, связаны с ведущими идеями языкознания данного времени. В период младограмматизма в итоговой работе К. Бругманна (1925) типы предложений и синтагмы внутри предложения не реконструируются, а скорее классифицируются в соответствии с „психическими актами говорящего“¹. В период генеративизма в работе У. Лемана (1974) внимание переключается на исследование и реконструкцию формальных связей и порядка слов в предложении и синтагме². Оба этих подхода являются, с современной точки зрения, односторонними.

Главной чертой современного подхода является исследование и реконструкция предложения в связи с его семантикой и, следовательно, лексикой. Стремятся установить прежде всего структурные модели (структурные схемы) предложений в целом (скорее, чем их синтагмы, связи, порядок слов и т. д. по отдельности). Вслед за тем детально обследуют „лексические вхождения“ в каждую структурную схему — устанавливаются классы слов (лексем), заполняющих каждое из ее мест, прежде всего предиката и основных актантов — субъекта и непосредственного объекта.

Реконструкция структурных схем непосредственно продолжает, разумеется — на современном этапе, традиционный подход: на основе реконструкции падежей, глагольных флексий, местоимений и т. д. восстанавливаются морфологические показатели предиката, субъекта и объекта для отдаленных доисторических этапов, а затем предлагается схема порождения современных синтаксических моделей. Реконструкция лексических вхождений и их семантики, собственно, и является тем новым, что отличает современный подход от традиционного. Она решается с учетом данных современных и.-е. языков, потому что в них можно непосредственно наблюдать предложения как реаль-

¹ Brugmann K. Die Syntax des einfachen Satzes im Indogermanischen. Berlin und Leipzig, 1925.

² Lehmann W. P. Proto-Indo-European Syntax. Austin and London: Univ. of Texas Press, 1974.

ные высказывания в контексте, с их семантикой и лексикой, и данные типологии разносистемных языков; решение этой задачи предполагает путь от настоящего к прошлому.

Естественно, в определенной точке, которая и будет означать решение проблемы, эти два пути должны сойтись. И в значительной части они уже сошлись. Мы имеем в виду установление того, по-видимому, уже общепризнанного факта, что протоиндоевропейский язык был языком активного (а не эргативного) строя, хотя отдельные эргативные или эргативоподобные типы предложений в нем, возможно, существовали.

Однако в некоторых весьма существенных деталях показания двух линий реконструкции — грамматической, идущей от глубокой реконструкции прошлого к современности, и лексико-семантической, идущей от современного состояния к прошлому, — расходятся. И, собственно, это расхождение и составляет первую и, возможно, основную проблему. Она является главным содержанием настоящего доклада.

В настоящем докладе мы идем от фактов балто-славянских, а также греко-арийских языков к прошлому. Отсюда, кроме территориального ограничения, следует еще и временное: предлагаемая здесь реконструкция является не максимально дальней, которая возможна при использовании сравнительно-исторического метода и предложена в работе Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. В. Иванова³, — условно назовем реконструируемый ими этап „этапом Гамкрелидзе — Иванова“, — а реконструкцией следующего за ним этапа, возможно, даже следующего не непосредственно, а через некоторый промежуточный период. Содержание рассматриваемого мною этапа совпадает с распадом активного строя, прежде всего присутствующих ему именных и глагольных классификаций и сопровождающих их морфологических систем, и с началом формирования видо-залоговой системы балто-славянских и, по-видимому, греко-арийских языков. Условно назовем его „этапом Уленбека“.

II

Еще в 1901 г. в замечательной статье „Агенс и Пациенс в падежной системе индоевропейских языков“ Х. Уленбек выдвинул тезис о том, что исторически засвидетельствованной системе предшествовала в протоиндоевропейском другая, с двумя основными падежами, которые Х. Уленбек назвал Активом и Пассивом. Актив был падежом действующего лица, агенса, т. е.

³ Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 1, 2 (далее: Гам. — Иван.).

падежом субъекта при переходном глаголе. (В настоящее время более принята характеристика такого глагола как „активного“, „принадлежащего к активному классу в глагольной классификации“.) Пассив был падежом пациенса, т. е. безразлично лица или вещи — объекта при переходном (активном) глаголе и субъекта при непереходном (точнее „неактивном“) глаголе⁴.

Положения X. Уленбека, хотя и не всегда с упоминанием его имени, в настоящее время принимаются, по-видимому, большинством исследователей, главным образом, применительно к морфологии и типологии.

Вместе с тем реконструкция X. Уленбека имела важные последствия для картины протоиндоевропейского синтаксиса: из нее прямо вытекало (самим X. Уленбеком не сформулированное) утверждение о существовании на реконструируемом этапе по крайней мере следующих резко различных типов предложений.

I тип: Активный субъект (лицо или подобное лицу) + активный глагол; показатель субъекта *-s*. Пример (в семантической записи на русском языке — последний является при этом не языком иллюстрации, а метаязыком, с помощью которого записываются типы предложений): „Человек идет“, „Медведь лежит₁“.

II тип: Неактивный субъект (вещь или подобное вещи) + неактивный глагол; показатель субъекта „нуль“ или, в основах на *-o*, *-m*. Пример: „Снег тает“, „Камень лежит₂“.

Если глагол в I и II типах выглядит, с точки зрения русского языка, одним и тем же, то это значит лишь то, что русский язык не имеет средств различить два соответствующие действия двумя лексемами (здесь: медведь и камень „лежат“ неодинаково), и они различаются цифровыми индексами как семантические дублиеты. Пробный список таких дублиетов реконструирован в количестве $4 \times 2 = 8$ единиц: семантемы „быть“, „лежать“, „стоять“, „сидеть“ (Гам. — Иван., I, 295).

III тип: Активный субъект + активный глагол + неактивный объект; показатель субъекта *-s*, показатель объекта „нуль“ или, в основах на *-o*, — *-m*. Пример: „Человек кладет камень“, „Медведь кладет камень“. Этот тип имеет явно производный и комплексный характер, он включает в себе одну из тенденций развития и. -е. синтаксиса.

Если отвлечься от реконструкции X. Уленбека, то полный набор возможностей — общее количество теоретически возможных сочетаний субъекта и объекта — таков:

⁴Uhlenbeck S. C. IF, XII, 170—171, рус. перевод в кн.: Эргативная конструкция предложения / Сост. Е. А. Бокарев. М., 1950. С. 101—102.

- I тип: Акт. субъект + глагол;
- II тип: Неакт. субъект + глагол;
- III тип: Акт. субъект + глагол + неакт. объект;
- *IV тип: Акт. субъект + глагол + акт. объект;
- **V тип: Неакт. субъект + глагол + неакт. объект;
- ***VI тип: Неакт. субъект + глагол + акт. объект.

Этот полный набор реализуется в развитых языках номинативного строя⁵, т. е. в современных и древних, но исторически засвидетельствованных в литературных памятниках и.-е. языках; именно полнота набора и составляет их важную типологическую черту. Однако даже для них не все типы равно характерны. VI тип, исторически явно позднейший, существует главным образом в поэтической (также и в художественно прозаической) речи. (Ср., напр., в лат.: „Если отвлеченное слово оказывается подлежащим при переходном глаголе (тип: *necessitas me subigit* „необходимость меня побуждает“ (Plautus, Pseud., 7—8), то это обычно уже свидетельствует о персонификации и служит признаком высокого стиля или пародии на него“⁶.) V тип, напр., „Молния зажгла сарай“, имеет явно более распространенные варианты другого строения: тв. п. (инструменталис) в рус. *Молнией зажгло сарай*; безличный оборот вместо личного в лит. *Visus laukus užsnigo* и лтш. *Visus ceļus aizsniga* „Все дороги снегом завалило“. В V и VI типах неактивный субъект, если он не характеризуется каким-либо образом по отношению к дальнейшему активному, вообще довольно редок. Поэтому редки и личные обороты с безличным подлежащим типа лит. *Visus laukus užsnigo*. В балтийских языках в этой функции чаще встречаются обороты с причастием: лит. *Visi laukai užsnigę*, лтш. *Visi ceļi aizsniguši*. Характеризация осуществляется двумя способами: или неактивный субъект, вещь, характеризуется родительным падежом активного имени „Стрела воина ранит врага“, или неактивный субъект принимает форму инструменталиса „Воин стрелой ранит врага“, „— молнией зажигает сарай“. На этом основании Ж. Одри, обследовав факты ведийского языка и частично латинского, считает возможным постулировать как общий случай: всякий именительный неактивного субъекта в значении инструмента исторически восходит к инструменталису⁷.

⁵ Некоторые авторы используют вместо термина „номинативный строй“ термин „аккузативный строй“. Оба термина равнозначны.

⁶ Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М.: Л., 1953. С. 134. Подробнее см.: Степанов Ю. С. Подлежащее в старых романских языках (Глава из сравнит.-ист. синтаксиса) // Вестн. МГУ, 1961. № 4.

⁷ Haudry J. L'emploi des cas en védique. Introduction à l'étude des cas en indo-européen. Univ. de Lille III. [Lille], 1978. P. 427—428 (далее: Haudry, 1978).

Реальная нетипичность, дефектность теоретически возможных случаев V и VI (так же, как и IV) отмечена в списке звездочками.

Что касается типа IV, то современному языковому сознанию он представляется совершенно необходимым, и тем не менее он непосредственно не вытекает из реконструкции X. Уленбека, что связано прежде всего с неясностью падежной формы активного объекта. Тип IV специально рассматривается в последней части нашего доклада.

Достаточно много неясностей и в морфологии предикатов всех реконструируемых типов (в реконструкции X. Уленбека этот вопрос не рассматривался). В настоящее время на эту тему имеются десятки работ, но она вне нашего доклада. Он посвящен, как уже было сказано, лексике и семантике предикатов. Какой лексикой заполнены предикатные места в названных четырех типах предложений? Как „лексикализованы“ их предикаты — покрываются ли они четырьмя различными лексемами, тремя или двумя — в различных конфигурациях? Есть ли случаи, когда одна лексема покрывает все четыре предиката? или три? или два из них? — Вот вопросы, которые мы затронем, исходя из показаний современных, главным образом балтийских, языков. При этом, разумеется, в рамках настоящего краткого доклада нам придется ограничиваться некоторыми диагностирующими лексемами, полагая, с большим или меньшим основанием, что за каждой из них стоит некоторый класс лексем.

III

В распределении лексем между I, II, III типами предложений (далее обозначаем их только римскими цифрами) обнаруживаются несколько типичных случаев, конфигураций, которые мы обозначим буквами русского алфавита от А до Д.

Конфигурация А: I и III (или только III) — одна и та же лексема,

II — другая (неоднокоренная с первой) лексема.

Примеры: рус. III — *Огонь топит (вытапливает) жир*; II — *Жир тает*;
рус. III — *Человек валит дерево*; II — *Дерево падает*.

Конфигурация А': I и III (или только III) — одна и та же лексема,

II — нелексикализовано.

Примеры: рус. I — *Человек пашет*; *Плуг пашет*; III — *Человек пашет землю, поле*; II — *Земля, поле — — — ?* Предикат типа II нелексикализован, ответ на вопрос „Что делается с землей, с полем, когда их пахут? не имеет отдельного лексемного выражения, какое есть в случае *Жир тает*. В этой функции используется трансформация пассивизации *Земля, поле пашается* от единственной лексемы „пахать“, так же лит. *Žemė ariasi, yra ariama*.

Обе конфигурации, А и А', типичны для языков активного строя⁸. Конфигурация типа А в виде опытного списка из 8 лексем, как уже было сказано, реконструирована (Гам. — Иван., I, 295).

Конфигурация Б: I и III — одна лексема,
II — та же лексема.

Примеры: рус. III — *Пастух гонит стадо*; II — *Стадо гонит во весь опор*; I — *Я поспеваю (успеваю) „попадаю вовремя“*; II — *Ягоды поспевают „зреют, созревают“*; существование аналогичной лексемы реконструируется для балтийского ввиду наличия лтш. *nāki nāsi nākt* „приходить“ и лит. *nóksta noko nókti* „поспевать“. Конфигурация Б является контрастной, антиподной по отношению к способам лексикализации предикатов, типичным для языков активного строя.

При этом нужно заметить, что конкретно этимологические обследования лексем такого типа, как в конфигурации Б, заставляют предполагать в и.-е. языках во многих случаях (если не в большинстве из них) направление экспансии, распространения предиката от I, III ко II. Но субъекты в I, III против II остаются различными: активные — в I, III, неактивные — в II. Здесь мы сталкиваемся еще с одной проблемой реконструкции и.-е. простого предложения: классификация типов предложений по линии предикатов и классификация по линии субъектов в некоторых фрагментах синтаксиса оказываются двумя различными классификациями, показания которых трудно совместить в единую картину. Во всяком случае это расхождение требует каких-то дополнительных объяснений, которые в настоящее время, кажется, отсутствуют. Более обширный пример того же столкновения классификаций следующий.

Общеиндоевропейские лексемы, имеющие морфологию *perfecta tantum*⁹, семантически разделяются на два класса, из которых один может быть охарактеризован как „состояния духа“, а другой — как „состояния тела“. Примеры из первой: „радоваться“ — греч. γέγηθα, лат. *gaudeo* с тем же знач.; „бояться“ — греч. δέιδια, арм. *erknçim*, аор. *erkeay* с тем же знач., санскр. *dvēṣṭi* „ненавидеть“; „содрогаться“ — греч. ἔρριγα „содрогаться от ужаса или от вращения“, лат. *frigus* „холод, дрожь“, и т. п. Примеры из второй: „гореть“ — гр. δέδηα, санскр. *dagdhá-*, лит. *dėgti* „гореть“ и „жечь“ (ср. рус. *У меня в горле жжет* — непереходный); „быть сгнившим“ — гр. σέσηπα, ввиду наличия

⁸ См.: Климов Г. А. Типология языков активного строя. М., 1977. С. 84 сл. (далее: Климов., 1977).

⁹ Точнее, впрочем, следует выразиться так: общеиндоевропейские лексемы, которые в греческом языке Гомера имеют морфологию *perfecta tantum*.

такой формы корня, как *ṣāp-*, родственно, вероятно, лит. *šiupti šiumpa šiupo* с тем же знач., и т. п. Первый класс, „состояния духа“, естественно имеет субъектом „человек“.

К тому же типу субъекта тяготеют лексемы, которые в санскрите и греческом (отчасти в латинском) имеют морфологию *media tantum*, например: „рождаться“, „умирать“, „следовать, принимать движение“, „владеть“ и некот. др.

Таким образом, по типу субъекта эти последние попадают в одну группу с лексемами „состояния духа“, между тем как по собственной глагольной форме, т. е. по типу предиката, они составляют две различные группы.

Конфигурация В: I, II, III — одна и та же лексема.

Примеры: лит. I — *Nešalk lauke, eik į vidų* „Не мерзни на дворе, иди в дом“; II — *Ežeras baigia šalti* „Озеро кончает замерзать (почти совсем замерзло)“; *Šiandien šąla* „Сегодня морозит“; III — *Šalna šąla žiedužius* „Заморозки морозят цветочки“; другой пример: лит. I — *Lietus lįja* „Дождь льет“; II — *Šienas lįja* „Сено заливает“ с им. п. вместо вин.; III — *Šieną lįja* „Сено заливает“ с нормальным вин. п.

Конфигурация В показывает, какие сложные процессы семантико-синтаксической природы могут скрываться за обобщением лексем на разные типы предикатов. В последнем примере тип II аналогичен таким предложениям с им. п. в значении вин., как рус. *Он работа работает, Kas daryti?* „Что делать?“ и т. п., и в известной мере пересекается с оборотом *Nominativus cum infinitivo* (*Надо земля пахать; Надо душа спасать*) в русских говорах (см.: Степанов Изв. АН СССР. СЛЯ. 1984. Т. 43. № 2). Тип III в том же примере, по-видимому, аналогичен типу (*Man) galvą skauda* букв. „Мне голову болит“, „У меня голова болит“, и при этом типы II и III здесь явно соотносительны и друг с другом.

Конфигурация В (как и конфигурация Б) является контрастной по отношению к конфигурации А', восполнением имеющейся в ней лакуны. Но восполнение протекает, по-видимому, диаметрально противоположным способом по сравнению с конфигурацией Б. В последней обобщались предикаты при сохранении различия в субъектах. В конфигурации В, напротив, явно обобщены субъекты — как субъекты-носители состояния, субъекты состояния. Обобщение здесь протекает на основе субъектов, — мы сталкиваемся с уже отмеченной проблемой, несовпадением естественно языковых классификаций (а следовательно, и следующей за ними реконструкции) по линии субъектов и по линии предикатов. В этом узле языковых черт проступают, по-видимому, следы перестройки активного строя протоиндоевропейского языка в строй номинативный.

Конфигурация Г: I — не лексикализовано,

II и III — одна и та же лексема.

Пример: франц. I — лексем нет; II — *La glace fond* „Лед тает“, букв. „льется“; III — *Le soleil fond la glace* „Солнце растапливает лед“; другой пример: I — лексем нет; II — *La viande cuit* „Мясо жарится, варится“; III — *La mère cuit la viande* „Мать жарит, варит мясо“; лит. I — лексем нет; II — *Degtukas dega* „Спичка горит“; *Vyras dega degtuką* „Мужчина жжет спичку“.

Конфигурация Г абсолютно контрастна к способам лексикализации, характерным для языков активного строя. Но она в известной мере контрастна и по отношению к рассмотренной выше и.-е. конфигурации Б, где лексема обобщается прежде всего, по-видимому, в пределах типов I и III и притом в сфере „человек“. В конфигурации Г лексема обобщается в типах II и III и притом через общность объекта „вещь“. Здесь тип I по вполне понятным причинам этим обобщением не охватывается, так как субъект „человек“ или вообще „живой, активный“ не может в естественных условиях испытывать то же действие, что „вещь“, т. е. „гореть“, „лущиться“, „осыпаться“, „трескаться“ и т. п.

Направление „экспансии“ при обобщении лексем в конфигурации Г идет, вероятно, от переходного типа III к непереходному II. Так, в латыни глаголы типа „лить“ (*fundere*), „варить, жарить“ (*coquere*), „гнуть, складывать“ (*plicare*) и т. п. были переходными, до того как они стали непереходно-переходными в современном французском.

Конфигурация Д: I, III — одна лексема,

II — другая лексема того же корня.

В то время как лексема в типе II имеет чаще всего корень в исторически редуцированной аблаутной ступени (напр., *birti* „сыпаться“, *mirkti* „мокнуть, вымачиваться“), лексема в типе I, III является по отношению к ней каузативом или содержит корень в исторически полной ступени (*beŗti* „сыпать“, *mŗrkti*, *mirkŗti* „мочить, вымачивать“). Эта конфигурация является основной для балтийских языков и почти совершенно отсутствует в славянских. Так, современный русский, по сравнению с литовским, испытывает явную нехватку лексем типа „мокнуть“, означающих процесс, происходящий в объекте „вещи“ под воздействием акта субъекта „человека“. В огромном большинстве случаев русский прибегает здесь к трансформации пассивизации от соответствующей лексемы переходного типа: *Земля пашется*; *Картошка варится*; *Горох сыплется* и т. п. (что в балтийских представлено в гораздо меньшей степени в конфигурации А). Таким образом, конфигурация Г является важной типологической чертой, различающей балтийские и славянские языки.

Ввиду наличия в типах лексикализаций балто-славянских, и частично других и.-е., языков различных конфигураций (от А до Д), из которых некоторые полностью или частично контрастны по отношению к типам лексикализаций, представленным в языках активного строя, как раз и приходится констатировать, что данные проспективной реконструкции (как у Т. В. Гамкрелидзе — Вяч. В. Иванова) и данные ретроспективной реконструкции (как в нашем подходе) частично расходятся. Над уяснением этих деталей, при совпадении в основном, еще предстоит работать.

IV

Рассмотрим теперь трудности с типом IV „Воин убивает врага“.

Существо этих трудностей, как уже было сказано выше, заключается в неясности, а может быть, и в невозможности реконструировать этот тип предложения для того этапа протоиндоевропейского языка, который мы условно назвали „этапом Уленбека“.

На первый взгляд может показаться, что причина этого — в ограниченности избранного нами основания — реконструкции самого X. Уленбека, просто в том, что обозначения активных сущностей, людей типа „человек“, „враг“ как объектов в предложении или вообще не попадают в класс языковых явлений, охваченных реконструкцией X. Уленбека, или их дистрибуция в ее рамках неясна. Действительно, основы на *-o часто принадлежат именам неактивного класса, ср.: **ped-* „нога“, но **pedo-* „след ноги“. Однако имена зверей активного класса типа „волк“ — исконные основы на *-o. Не освещено положение основ на *-ā (-ē) и т. д. Очевидно и то, что состав активного класса имен, его подклассы и т. д. неясны до сих пор.

Однако при реконструкции предложения эти трудности можно было бы обойти, так как при этом достаточно, как уже было сказано, диагностических примеров. Можно было бы ограничиться примером лексем, заведомо принадлежащих к основам на *-o, напр., „волк“, и одновременно — к тому классу сущностей, которые „человек“ способен „убивать“. Тогда существование предложения ограниченного (в этом смысле) типа IV „Человек убивает волка“ должно было бы быть принято как несомненное. Ограниченность базы реконструкции, реконструкция X. Уленбека, была бы при этом несущественна.

Но, как мы увидим ниже, трудности с типом IV „Воин, человек убивает врага“ связаны не с ограниченностью базы реконструкции, а с существом реконструируемой языковой реальности.

X. Уленбек реконструировал такое, а именно переходное, состояние протоиндоевропейского языка, когда происходит некоторое взаимное приспособ-

собление старой, активно—неактивной, и новой, субъектно—объектной, систем. Неактивное имя в форме Пациенса (т. е. или чистой основы, в основах на сонант, или на *-m*, в основах на *-o*) может занимать в предложении позицию как субъекта, так и объекта. Активное имя в форме Агенса может занимать позицию субъекта. Но что касается позиции объекта, то, чтобы занять ее, оно должно было приобрести форму Пациенса, которая исконно была формой неактивных имен.

В засвидетельствованных письменностью и.-е. языках имя в позиции объекта оформляется показателем *-m* независимо от его принадлежности к активному или неактивному классу (во всех основах на *-o*, на *-ā* (*-ē*) и в части согласных основ и основ на сонант, типа **ped-* или с суффиксом *-ter| -tor| -tr*). В реконструкции же Х. Уленбека показатель *-m*, если быть последовательным, может быть отнесен только к Пациенсу, т. е. к неактивному имени в позиции как субъекта, так и объекта. Значит, предложение типа IV не может существовать на „этапе Уленбека“ и заведомо не может существовать на более ранних этапах, если они принадлежали к активному строю языка.

Действительно, в языках последовательно активного строя в таких предложениях, как „Собака змею укусила“ субъектом будет имя, соотносящееся с активным личным аффиксом глагола-сказуемого, в данном случае имя „собака“, в то время как имя ближайшего объекта, в данном случае имя „змея“, инкорпорируется без показателя в состав сказуемого. В другой разновидности того же типа предложения ближайший объект соотносится с инактивным аффиксом глагола-сказуемого в словоформе активного глагола (Клим., 1977, 117, 307, 125).

В какой материальной форме должен был выступать ближайший объект типа „враг“, „человек“ на „этапе Уленбека“, остается неясным. Более того, не вполне ясным остается для этого этапа и существование ограниченного типа IV „Человек убивает волка“ и даже типа III „Человек кладет камень“.

Последний пункт не вполне ясен и в реконструкции Т. В. Гамкрелидзе—Вяч. В. Иванова, в целом очень ясной. Названные авторы применительно к типу „Человек кладет камень“ постулируют в предикате-глаголе показатель *-e*, тот же самый, что в одновалентном предикате-глаголе типа II „Камень лежит“ (Гам.—Иван., I, 297). Следовательно, глагольная форма в типе III „Человек кладет камень“ „содержит в себе экспонент инактивной актанта, выступающей в функции *Patiens'a*“ (там же, с. 298), т. е., скажем, экспонент актанта „камень“. Это, действительно, типичный строй предложения языков активного типа (ср. выше данные Г. А. Климова). Но таким образом, по реконструкции Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. В. Иванова, получается, что тип II „Камень лежит“ и тип III „Человек кладет камень“ имеют в предик-

кате-глаголе (в его 3 л.) один и тот же экспонент неактивного класса, и тогда перед нами скорее всего некое специфическое предложение типа „Человеком камень лежит“ в значении типа III „Человек кладет камень“.

Таким образом мы приходим к выводу, что трудности с типом IV „Воин, человек убивает врага“ связаны с неясностью перехода от активного строя к номинативно-аккузативному в материале и.-е. языков, — именно в том фрагменте их языковой системы, который содержит имена активного класса типа „человек“ и предикаты активного типа „убивать“, т. е. сочетания типа „человек убивает человека“.

Очевидно, что эта неясность связана одновременно и с недостаточной обследованностью языкового материала и с недостаточным развитием теории. В данном докладе мы ограничимся проблемой материала.

Рядом с обычными формами выражения IV типа в засвидетельствованных и.-е. языках, в двух из них — греческом и хеттском находим формы не вполне обычные, так называемый „супплетивный пассив“. Ср. *αὐτοί γε ἀπέθνησκον ὑπὸ ἰππέων* (Хеп. Суг. VII 1, 48) „сами же они были убиты (букв.: умерли) всадниками“, т. е. „погибли от руки всадников“; глагол (*ἀπο*) *θνήσκω* „умирать“ является здесь как бы пассивом к глаголу *κτείνω* „убивать“, хотя у последнего имеются и свои пассивные формы — *ἀπέκτατο*, *ἔκταθεν*. В хет. глагол *akī* „он умирает“ точно так же является пассивом к глаголу *kuen-* „убивать“ и означает при таком употреблении „он убиваем“ (Й. Фридрих. Крат. грам. хет. яз., § 199). Уже само по себе наличие этих выражений свидетельствует о некоторой исконной слабости, неполной типизированности выражений „Воин убивает врага“.

Названные необычные выражения объяснялись главным образом лексически, как следствие табу на прямое называние убийства (W. Havers. *Neuere Literatur zum Sprachtabu*, 183—184), по своей природе общетипологическое, а не специально и.-е. Ср. в охотничьем ритуале ханты (остяков) „Священный зверь умер“ вместо „Мы убили медведя“ (Д. Зеленин. Табу..., ч. 2, § 55). Действительно, основная тенденция в обозначении действия „убивать“ в и.-е. языках — эвфемистическая. Ср. рус. *убить* от *бить*, которое само по себе может означать то же действие убивания, так же в ст.-слав., макед., сербохорв., польск. (О. Н. Трубачев. Этим. сл. слав. яз., 2, 99); ср. так же лтш. *nosist* от *sist* „бить“, *nogalināt*, арх. *nogalēt*, лит. „*daryti galą*“, *nugaluoti*, *nugalabyti* „прикончить“; лит. *užmušti* от *mušti* „бить“. По тому же типу от лексемы „бить“ произведены почти все греческие глаголы, означающие „убивать“ (P. Chantraine in: *Die Sprache*, I, 143—149). Все это эвфемистическое слово- и смыслообразование может быть обобщено: в нем отчетливо проступает

тенденция, которую, в другой связи, Ж. Одри удачно назвал „от жеста к акту“ (Haudry, 1978, 212 et passim).

Тем не менее, придавать исключительное значение эвфемизму, даже и с учетом названной общей тенденции, нельзя. В хеттском имеются каузативные глаголы с тем же значением, не подвергшиеся ни эвфемистической замене, ни замене супплетивным пассивом: *ḫark-* „погибать“ — каузат. *ḫarnink-* „погубить“, *ḫarganu-* „(по)губить“. В греческом основной глагол „убивать“ *κτείνω* имеет нормальный пассив и к тому же, как показывает его этимология, ср. санскр. *kṣan-* (*kṣanóti*) „вредить, ранить“, уже является эвфемизмом.

В том же материале проступает и другая тенденция, переплетающаяся с названной эвфемистической, но по существу от нее независимая, — тенденция семантико-синтаксическая. Она-то и интересует нас в первую очередь.

В литовском языке имеются специфические каузативные глаголы, означающие „убивать“, „губить“, произведенные от глаголов со значением „умирать“, „гибнуть“: *žudyti* от *žūti žūva žūvo* „погибать“, *marinti* от *mirti* „умирать“; так же слав., рус. *морить* при *-мереть, -мирать* (напр., при *умирать*); др.-инд. каузатив *mārāyati* „он дает умереть, убивает“ при *māрати, mārate, mriyāte* „он умирает“ и т. д.

В литовском значительная часть вообще каузативов на *-inti, -dinti*, и, по-видимому, в меньшей степени на *-dyti*, имеют объектом не „вещь“, в которой возбуждается процесс (как в *berti* „сыпать“ при *birti* „сыпаться“), а человека, в котором, если так можно выразиться, „возбуждается“ непереходное действие или состояние: *klaidinti* „daryti kad klystų“, „делать так, чтобы кто-л. ошибся“ при *klysti* „ошибаться“ и т. п. С семантико-синтаксической точки зрения, они строятся по типу конфигурации Д, рассмотренной выше, но отличаются в морфологическом отношении — в них корневой аблаут сопровождается суффиксальным расширением. Такие литовские каузативы при реконструкции предикатов предложений нужно выделить в особую группу.

С ней можно в определенной степени сблизить ведийские каузативы в целом, так как они — притом, что весьма существенны различия в их либо медиальной, либо активной форме, — в тенденции все же, по-видимому, тяготеют к тому, чтобы образовывать пары к простым глаголам, означающим действия и состояния человека (скорее, чем вещи). Из около 40 примеров каузативов, приведенных в „Грамматике“ Т. Я. Елизаренковой¹⁰, только 6 означают действия или процессы, совершающиеся в „вещах“: *var-* „покрывать“, *sar-* „течь“, *duṣ-* „портиться“, *ṣri-* „опираться“, *cud-* „точить“, *ṛis-*

¹⁰ Елизаренкова Т. Я. Грамматика ведийского языка. М., 1982. С. 367–370 (далее: Елиз., 1982).

„сиять“. Однако и они так или иначе могут относиться к человеку: *cid-* значит также „вдохновлять“, а остальные в санскрите, среди прочих значений, имеют (по: Macdonell. Pract. sanskr. diction.): *var-* „прятать; закрывать (дверь)“, „проверять“, *sar-* „быстро бежать“ (ср. рус. *И он послушно в путь потек* [Пушкин]), „преследовать“, *duṣ-* „быть в грехе“, *ruc-* „cause anyone (acc.) to feel pleasure in or desire for (dat.)“. Ведийские каузативы, таким образом, довольно резко контрастируют с литовскими типа *berti—birti*.

Вместе с тем ведийские каузативы близки к литовским фактитивным глаголам (*pagūpinamieji veiksmazodžiai*), т. е. таким, которые образуются от переходных глаголов. Литовские фактитивы имеют, как правило, объектом неопределенное лицо или группу лиц (ср.: *pasisiūdinti marškinius* „отдать сшить себе рубашку“ — кому отдать?) и лишь в отдельных случаях — определенное лицо: *vėdinti* „женить кого-то“, букв. „делать так, чтобы он взял себе жену“, *daryti kad jis vestųsi žmoną*.

Сравним в ведийском: „Исследователями неоднократно подчеркивалось, — замечает Т. Я. Елизаренкова, — что основы, классифицируемые по структурным признакам как каузативные, имеют каузативное значение только по отношению к исходному непереходному глаголу и, как правило, семантически ничем не отличаются от исходного переходного глагола... Напр., от глагола *dhā-* „класть“, „помещать“: ... *tāsmiṇ māṃ dhehi pavatānāmṛte loké ākṣite* (RV, IX, 113, 117) „туда помести меня, о Павамана, в бессмертный нерушимый мир“ (Елиз., 1982, 370). Здесь следовало бы добавить только: каузативы „ничем не отличаются от исходного переходного глагола“, кроме как своим объектом, который чаще всего (и в данном случае) — человек. Обзор даже приведенных в упомянутой книге примеров это подтверждает.

По-видимому, именно доминированием этой черты в др.-инд. объясняется появление таких специфических трансформаций, как санскр. *devadattaḥ pacati odanaṃ* „Девадатта варит рис“ → *pācayati odanaṃ devadattena* букв. „он варит рис Девадаттой“, „он делает так, чтобы Д. варил рис“, где сохраняется первоначальный объект „вещь“ (здесь: рис), а новый объект, объект каузатива, „человек“ (здесь: Девадатта) ставится в инструментальном падеже¹¹.

К этому типу предложений принадлежит, вероятно, и следующий балтославянский с инструменталисом лица: лит. *Rugius jie savim veža* „Рожь они собой возят“ (т. е. на себе, за неимением лошадей) (Jablonskis, RR, I, 622),

¹¹ Renou L. Grammaire sanscrite élémentaire. Paris: A. Maison-neuve, 1978. § 102 (далее: Renou, 1978).

ср. рус. *Достают невесту собою, а ино и Фоною* (Даль. Толк. сл., IV, 169), „собою = сами“. Если действительно (в чем я не уверен) существует в русских говорах, в частности в близких территориально к литовским, оборот *Пахать поле работником*, т. е. „заставлять работника пахать поле“, то мы имеем здесь промежуточное звено между приведенным выше санскритским и балто-славянским. Но и без этого примера такое звено можно не без основания предположить ввиду широкого распространения оборотов, где инструменталис вводит живой объект (но не человека), посредством которого субъект-человек исполняет действие, это как бы „животные фактитивные глаголы“: рус. *травить собаками*, лит. *pjudyti, siundyti šunimis* в том же знач. Не случаен здесь и (по форме) каузатив на *-dyti*.

Другой, рядом с вышеприведенной, санскритской трансформацией специфического строения является такая, где сохраняются оба аккузатива — лица и вещи: *vetti mānavako dharmam* „ученик учит закон“ → *vedayati mānavakam dharmam* „он учит ученика (Акк.) закону (Акк.)“ (Renou, 1978, § 102). С этой последней конструкцией синтаксически полностью совпадают латинский и греческий обороты с лексемой „учить“: *docere aliquem aliquid*, *διδάσκειν τινά τι*; „спрашивать“: *interrogare*, *ἑρωτᾶν*; *poscere, flagitare*, *ἀιτεῖν, ἀπαιτεῖν*; только греч. „убеждать, уверять“ *πειθεῖν*, „напоминать“ *ἀνα-* или *ὑπομιμνήσκειν* и некот. др.¹²

Таким образом, эти латинские и греческие конструкции на фоне сравнения с древнеиндийскими и литовскими должны объясняться не просто как сложение двух независимых конструкций „учить ученика“ и „учить музыку“, а как еще и синтаксический аналог к каузативным глаголам, отсутствующим в латинском целиком, а в греческом в такой степени развития, как в литовском и древнеиндийском.

При некоторых диагностических, основных, лексемах того типа, которые в ведийском языке образуют каузативы (а может быть, и при многих, — вопрос требует дополнительного изучения) мы находим супплетивные пассивы в греческом, типа „он умирает кем-то“. Ср. вышеприведенный вед. пример с *dhā-* „класть“, „помещать“ и греч. супплетивный пассив к глаголу того же корня — *τιθέναι* „класть“, „помещать“ и *κεῖσθαι* „лежать“, „быть помещаемым“, который относится и к „вещам“ и к лицам: так в Plato. Apol. 30 e: *προσκειμένον τῆπολει* „приданного городу“ рядом с *ὁ θεός ἐμὲ τῆπολει προστεθεικεναι* „бог меня городу придал“. Ср. далее с вед. каузативами такие греч. супплетивные пассивы, как: *εὖ (κακῶς) ποιεῖν τινα* „оказывать кому добро (зло)“ —

¹² См. перечень: [Э. Черный]. Греческий синтаксис гимназического курса, изложенный сравнит. с рус. и лат. / Сост. Э. Черный. 2-е изд. М., 1882. § 36 (далее: Черн., 1882).

пасс. εὖ (κακῶς) πάσχειν ὑπότινος „получать благодеяние (терпеть обиду) от кого, быть облагодетельствованным“; εὖ (κακῶς) λέγειν τινα „хорошо (дурно) отзываться о ком“ — пасс. εὖ (κακῶς) ἀκονεῖν ὑπό τινος „обо мне кто-л. отзывается хорошо (дурно); слышать хороший (плохой) отзыв, речь о себе“, ср. совр. франц. Il s'entend dire par quelqu'un... „Он слышит, как ему кто-то говорит, что...“; ἐκβάλλειν „изгонять, отправлять в ссылку“ — пасс. ἐκπέπτωκα, φεύγω ὑπό τινος „я изгнан кем-л., я беглец, ссыльный“ и т. д. (Черн., § 117)¹⁸.

В заключение напрашивается вывод, что преобразование активного строя и.-е. языка в номинативно-аккузативный, т. е. строя, где предложение типа IV „Воин, человек убивает врага“ морфологически не могло существовать, в строй, где оно типично, было сопряжено с определенными трудностями. Лексико-семантическая деривация (типа *бить* → *убить*), морфологическая деривация — образование каузативов и супплетивный пассив — по-видимому, три различных попытки преодоления этих трудностей.

¹⁸ См. также: Schwyzer E. Griechische Grammatik. München, 1966. Bd. 2. S. 226—227; Перельмутер И. А. Общеиндоевропейский и греческий глагол. Л., 1977. С. 139.